
ЕГОР МЕДВЕДЕВ
ЖОЛ
КАРАУ

Жол Карау

Егор Медведев

Аннотация

Мистическая история о встрече с памятью своей земли, после которой уже невозможно вернуться домой прежним

Содержание

Глава 1 — 5

Глава 1

Моя земля – прах моих предков. Её реки и озёра – кровь моих предков. Они отстояли её в жестоких и тяжёлых битвах. Не отдали. С тех пор каждая её пядь священна для нас. Кто плюёт в неё – плюёт в себя, в свою мать. Потому что мы – дети своей земли. И всё, что происходит с ней, прямо отражается и на нас.

Я снова приезжаю на это место. Уже не один, с сыном. Он ещё слишком мал, беззаботно резвится на поляне. Но однажды наступит время, когда я смогу рассказать ему всё. Не знаю, поверит ли он. Возможно, и нет. Потому что я сам бы не поверил. Но я расскажу. Наверняка он будет умнее меня и лучше. Я знаю это. И пусть он не поверит, пусть примет это как просто ещё одну занятную историю – он задумается. И уже одно это будет не напрасно.

***

Дорога бешено бросается под колёса. На кочках машину подбрасывает, и это вызывает приступы дополнительного веселья у друзей, наполовину высунувшихся из окон. Они не сдерживают чувств – орут во всё горло. Иногда даже пытаются подпевать:

И всё стремительно идёт ко дну,

Ведь мы качнули, как могли качнуть,

В пятницу я брошу пить, в субботу начну,

Завтра я брошу тебя, но больше не вернусь!

Делаю музыку ещё громче. Отдыхать нужно так, чтобы все об этом знали. Даже если вокруг ни души.

Откройте мне пива, – прошу у друзей. И мне услужливо протягивают банку. А почему нет? Гаишников здесь давно нет и не предвидится. А мы, всё-таки, заслужили отдых. Закончили Алматинский университет. И перед тем, как окончательно шагнуть во взрослую жизнь, нужно выдохнуть! Только не в заезженных ресторанах – решили рвануть в горы. Я предложил съездить на озеро Каинды. Никто там не бывал. Все единогласно поддержали.

Ерден! – Это Асель. Очень хорошая, скромная девушка. Отличница. Она осторожно коснулась моего плеча. – Может, не будешь пить за рулём?

Если бы кто-то другой сказал мне это, я бы ответил по-другому. Но это – Асель. Поэтому просто молча выбросил едва начатую банку в окно. И, словно оправдываясь, буркнул:

Не бойся. Я не пьянею.

Асель откинулась назад и стала смотреть в сторону, на степь. Обиделась, что ли? На душе заскребли кошки.

О-о-о! – закричал Максут, указывая куда-то пальцем. Неугомонный балагур

и весельчак. Мастер розыгрышей. Не знаю, почему я с ним дружу – его приколы часто бывают на грани, а то и за ней. – Смотрите, юрта! Давайте подъедем!

Зачем? –попытался возразить я. Но, как всегда, все приняли сторону Максута.

Да, давайте! –поддержала его Гульнар. – Я сто лет не была в юрте! Узнаем, кто там живёт, познакомимся… Может, им чего нужно?

Нехотя сворачиваю с дороги.

Возле юрты стоит стреноженный конь, а рядом, на устроенной перекладине, беркут в шапочке с колокольчиками. Его глаза плотно закрыты кожаным клобучком. Лапы с двухсантиметровыми когтями опутаны обнасцами. Ветерок играет перьями на его загривке. Они, словно напитавшись солнцем, отливают золотисто-жёлтым. При нашем приближении беркут начал беспокойно вертеть головой и тревожно кричать. Конь забил копытом.

Не приближайся! –крикнула Гульнар Руслану, который уже тянулся к птице. Беркут тут же резко и протяжно вскрикнул, и Руслан испуганно отшатнулся.

Я только хотел рассмотреть поближе…

Тем временем Максут уже стучал в юрту.

Вроде никого нет.

Замка на двери не было, и он легко открыл деревянную створку.

Ас-саляму алейкум! –крикнул он внутрь. Тишина. Он распахнул дверь.

В юрте, действительно, никого. Приоткрытый шанырак пропускает достаточно света, чтобы разглядеть пол, устланный мягкими коврами, большой сундук, богато украшенный казахским орнаментом, и четыре кровати вдоль стен. Стены увешаны коврами и вышивками – кони, сцены охоты, грозные битвы. Посреди помещения стоит круглый стол, а за ним – комодик. На нём в деревянной раме возвышается большой, искусно вышитый портрет Аблай-хана.

Если на двери нет замка, значит, хозяева где-то поблизости. Я обошёл юрту. Никого. Не могли же они оставить коня без присмотра?

Из-за юрты вдруг выскакивает Максут. В руке у него –сабля, а на голове неуклюже сидит старинный железный шлем, отороченный волчьим мехом. Он размахивает оружием над головой и кричит, словно в атаку. Руслан тут же хватает ветку и бросается на него, изображая бой.

О, подождите! –кричит Гуля, снимая телефон с блокировки. – Я сейчас вас сфотографирую!

Я останавливаю их и спрашиваю Максута:

Ты где это взял?

В юрте, в сундуке лежало.

С ними и немедленно положи обратно. Хозяевам это не понравится.

Да ладно тебе, мы же ничего не испортим! К тому же, они всё равно ничего не увидят. Просто сфотографируемся и всё.

Максут принимает величественную позу, и Гульнара делает пару снимков.

Теперь со мной! – просит Руслан, вставая рядом.

Ребята, поехали отсюда! –заныла Асель. – Уже вечер, не успеем до темноты доехать.

Успеем, ещё только шесть. К девяти доберёмся.

Девушка правду говорит, –раздался незнакомый голос.

Пока мы были увлечены фотосессией, к нам подъехали двое всадников. Как они подъехали так тихо? Будто из воздуха появились.

Один – русский, на вид немного за пятьдесят. Загорелый, с суровым лицом и добрыми голубыми глазами. Волос густой, кучерявый. Второй – казах, уже в преклонном возрасте, под семьдесят, но в седле держится твёрдо и прямо, сидит, будто влитой. На его лице ни одной эмоции. На руке у него ещё один беркут, также с зашоренными глазами. У седла русского болтаются две убитых лисицы. Чуть поодаль затаились две белоснежные борзые тазы. Их тощие рёбра бешено вздымались, как после исступлённой гонки. С языков капала белая пена.

Простите, что взяли ваши вещи… – начала оправдываться Гульнара. – Мы зашли –никого! А у вас тут всё так атмосферно… Вот и решили сфотографироваться.

Русский мужчина не торопясь спешился. Молча забрал у застывшего Максута саблю и шлем.

Не порезался? – спросил он.

Максут отрицательно покачал головой.

Ну и хорошо. Это оружие ещё его прадеда, – пояснил мужчина, кивая в сторону аксакала. – Его бережно передавали из поколения в поколение, ухаживали за ним. А теперь мой друг грустит: его сын стал слишком “цивилизованным”, смеётся над этими вещами и грозится всё сдать в музей.

Он унёс реликвии в юрту и вернул их в сундук. Старик тем временем тоже спешился и аккуратно поставил беркута рядом со вторым. Птицы поприветствовали друг друга короткими вскриками.

Ата, – спросил по-казахски Максут, пытаясь разрядить напряжение, повисшее в воздухе. – Вы с охоты? А почему второго беркута не взяли?

Старик сначала посмотрел на него сурово, но потом его лоб разгладился.

Это не простой беркут, –ответил он. – Лунокрылый. По его полёту можно читать будущее. А если он пролетит над тобой, ты увидишь свой рок. Он может

многое предсказать.

Максут рассмеялся:

Вы, наверное, шутите, ата?

Ты как мой сын: оторвался от корней и земли. Забыл, как видеть и слышать. Забыл мудрость предков. Раньше были люди, что могли читать полёты птиц, как ты читаешь книгу. Если хочешь узнать о себе – я выпущу беркута. Хотя твоё будущее и так видно.

– И какое же меня ожидает будущее? – оживился Максут. Разумеется, он не верил ни в какие предсказания, но когда речь идёт о тебе, то всегда любопытно и приятно послушать. Особенно, если это что-то хорошее и ожидаемое.

Старик не успел ответить –к нам с широкой улыбкой подошёл русский.

Достопочтенный Биржан-ата устал, да и вы с дороги. Проходите в юрту, будьте нашими гостями!

Отказаться было неудобно. Тем более, мы чувствовали определённую вину перед этими людьми. Хотя это и не входило в наши планы, мы согласились зайти.

На столе – газовая горелка, в котелке шкворчит курдючный жир. Юрту наполняет изысканный аромат пряностей, овощей и мяса. Поспевает зирвак – «душа» настоящего восточного плова. Живот немедленно отзывается приятным урчанием.

Проходите! Гость в дом – радость на порог! Кстати, я не представился. Меня зовут Павел. Так и зовите.

Он уже разливает по пиалам душистый, хмельной кумыс.

Кумыс подобен напитку из райской реки. Дар небесной кобылицы. Пейте, и не будете знать ни усталости, ни туберкулёза, ни проблем с пищеварением.

Он ловко нарезает шужык, перемежая его кольцами лука. Делает всё быстро и уверенно, точно заправский шеф-повар. Ни одного лишнего движения. Как по волшебству, под его руками стол оказывается накрыт не хуже, чем в лучшем столичном ресторане.

Мы тоже вытащили кое-что из своих запасов. Руслан сходил к машине и принёс сыр, ветчину и вяленую красную рыбу. Плов неспешно томится на огне. Старик Биржан-ата сидит на подушке и задумчиво смотрит в огонь. Всё остальное делает Павел.

Ну вот так, на скорую руку и собрались. Не думали, что сегодня будут гости.

Это вы нас простите, –говорит Гульнар. – Я увидела юрту, и сразу вспомнила, как дед в детстве брал меня с собой на джайляу. Он всё говорил: джайляу чист и непорочен, и являться туда следует очищенными… Так захотелось подъехать, ощутить то снова. Я и попросила ребят…

И правильно сделала! Нам, старикам, с молодыми пообщаться – только радость. Так что чувствуйте себя как дома!

Спасибо вам! А правда, что тот беркут особенный? Вещий?

У Биржан-ата всё особенное! Даже эти две собаки. Видели их?

Мы кивнули.

Двадцать километров в час берут легко. На волков их выпускали: настигают и рвут. У серого против них ни шанса. А знаешь, где Биржан-ата их нашёл? В гнезде. Не поверите. Охотился на уток и в зарослях камыша наткнулся на большое гнездо. А там сидят два щенка. Маленькие, почти слепые. Тыкались носами в стенки гнезда и поскуливали. Биржан-ата сразу всё понял. Сказал: «Это дар Аллаха». Позже он объяснил мне, что очень редко в яйце красной утки ит-кала-киз рождается не утёнок, а щенок тазы – с исключительными охотничьими способностями.

Но это же просто красивая легенда?

Не знаю. По крайней мере, так охотники говорят. А после всего, что я видел с Биржан-атой… я готов поверить в любое чудо.

А что делал Биржан-ата?

Думаю, он ещё покажет. А пока давайте поедим, поделимся историями. Уверен, вы и сами многое можете рассказать!

Мы другими глазами взглянули на старика. Он по-прежнему сидел неподвижно, лишь слегка покачиваясь из стороны в сторону. Его взгляд был устремлён не на казан, а куда-то в далёкое прошлое. Какие картины сейчас проплывали перед ним?

Вот и готов плов. Золотисто-коричневый рис рассыпается по тарелкам и кисешкам, обдавая нас пряным паром. До чего же он хорош! Павел скромничает:

Да что вы, это так… – он пренебрежительно машет рукой. – Вот остались бы вы до завтра! Завтра Биржан-ата будет готовить бесбармак. Вот это – деликатес! Клянусь, такого бесбармака, как у него, вы никогда не пробовали!

Мы звякаем вилками по тарелкам, а Павел с Биржан-атой едят прямо руками. Максут и Руслан, следуя примеру, тоже откладывают приборы и загребают плов пальцами.

Так намного вкуснее! – шутит Максут.

Признайтесь, – с улыбкой спрашивает Гульнар, – у вас есть свой ресторан? Или вы работаете шеф-поваром?

Ни то ни другое, увы, – разводит руками Павел. – Я всего лишь скромный писатель и путешественник. Езжу по миру, пишу очерки, веду блог. Раньше даже мелькал на телевидении.

То-то лицо показалось знакомым!

Возможно, – улыбается Павел. – Раньше меня знали больше, теперь лишь иногда кто-то вспоминает, но уже не помнит откуда.

А где вы путешествовали?

Да где только не был. Сам я из Павлодара. Когда был молодым, думал, что счастье где-то за горами. Ездил по Дальнему Востоку, мечтал стать моряком – не получилось. Потом уехал в Китай, снова колесил по России. А теперь люблю ездить по родине, по родным местам. Здесь столько чудесного, а о нём почти никто не знает. Вот и пишу, снимаю, рассказываю. Хочу показать миру красоту Казахстана, а главное – напомнить самим жителям, в каком уникальном месте они живут, и даже не ведают об этом.

За разговорами казан опустел. Его сменил большой медный чайник. Закипая, он тихо посвистывал, придавая атмосфере уют и гармонию.

Биржан-ата, – просит Павел, – доставай домбру, уважь гостей.

И только он ударил по струнам, как стены юрты растворились, и перед нами распростёрлась могучая ковыльная степь. Налетел порыв ветра, принёсший запах войлочных юрт и верблюжьего молока, прожжённой солнцем земли, горькой полыни и едкого дыма адраспана.

Земля загудела под топотом сотен копыт. Сминая стрелки белого ковыля, мчатся бесчисленные табуны. Клубится пыль, поднятая их могучими ноздрями. В небе кружат кречеты, оглашая криками синюю высь. Далеко они видят, но даже их зоркие глаза не способны охватить границы великой степи, не могут разглядеть, куда несут полноводные реки своих серебряных язей, как высоко поднимаются горные хребты скалистых гор. Ни кречеты, ни гордые орлы не летают так высоко.

Смолкает музыка. Исчезают образы. Вокруг снова стены, увешанные узорчатыми коврами, где замерли в беге вышитые табуны. Хлопать в ладоши в такой момент кажется неуместным. Даже говорить не хочется – словно боишься вспугнуть сказку, которая ещё цепляется за сознание, но вот-вот исчезнет.

Мы молчим. Слышно лишь, как хрустит за ушами у жующего Максута. Не знаю, слышал ли он музыку вообще. Но остальные – точно слышали. Все словно застыли в каком-то священном оцепенении.

Первой очнулась Асель. Она перевела взгляд на портрет хана и искренне похвалила:

У вас такой красивый портрет Абылай-хана!

На этот раз, к всеобщему удивлению, ответил сам Биржан-ата. После кюя и хорошей еды он выглядел заметно бодрее.

Это тоже память. Моя прабабка, когда была молодой, вышила его. А мой

прадед сражался рядом с ним, ещё тогда, когда его называли Абулмансур. Позже, когда степь нарекла его Чёрным беркутом, а враги – боялись и уважали. Он объединил рода и дал отпор джунгарам. А потом, в восьмидесятом первом, когда великая засуха иссушила всю степь, и люди сотнями умирали от голода… Некоторые, даже бывшие верные союзники, отвернулись от него. И даже родные сыновья стали ему противоречить, подтачивать его власть.

Под конец жизни он задумал заложить новую столицу – подальше от рук империй, от России и Китая. Но пришло это к нему слишком поздно. Умирая, он подозвал моего прадеда и сказал:

Три мечты у меня было. Первая – чтобы над страной было мирное небо. Вторая –чтобы земля была использована во благо, чтобы построить Город. А третья… Я всегда думал, что смог объединить страну. Но теперь вижу: нет.

Но я не в печали. Я счастлив, потому что знаю: это довершат мои потомки. И вот теперь его мечты начинают сбываться. И я рад – и за него, и за своего прадеда.

Биржан-ата умолк. Его лицо вновь стало непроницаемым, словно он снова погрузился в туманы прошлого.

Павел тем временем подлил в пиалы свежей заварки с кипятком.

Берите курт, – предложил он. – К чаю самое то: и кисло, и сладко одновременно!

Мы допиваем чай.

А хотите, прочту вам стихи? – предлагает Павел.

Конечно, – соглашаются девушки. Асель – понятно, она и сама немного сочиняет. А вот Гульнар… Чего ей вдруг? Меньше всего сейчас хотелось слушать чьи-то любительские вирши. Я начинаю слегка нервничать. Мы и так засиделись. Вдруг наш домик на озере уже кому-то сдали? Я хотел подняться из-за стола, но Павел уже начал читать, и я упустил момент.

Его голос поначалу течёт тихо, но вскоре начинает звенеть, как медный колокол. С каждым словом он поднимается выше и выше, подбирая такие образы, что наши души проникаются той же болью, той же обидой и тем же невыразимым отчаянием, что звучат в стихах.

Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала,

Дай мне руку, а я поцелую её.

Ой, да как бы из рук дорогих не упало

Домотканое счастье твоё!

Я тебя забывал столько раз, дорогая,

Забывал на минуту, на лето, на век,

Задыхаясь, ко мне приходила другая,

И с волос её падали гребни и снег.

В это время в дому, что соседям на зависть,

На лебяжьих, на брачных перинах тепла,

Неподвижно в зелёную темень уставясь,

Ты, наверно, меня понапрасну ждала.

И когда я душил её руки, как шеи

Двух больших лебедей, ты шептала: «А я?»

Может быть, потому я и хмурился злее

С каждым разом, что слышал, как билась твоя

Одинокая кровь под сорочкой нагретой,

Как молчала обида в глазах у тебя.

Ничего, дорогая! Я баловал с этой,

Ни на каплю, нисколько её не любя.

Асель почему-то украдкой взглянула на меня, но я заметил, как в её глазах блеснула слеза. Я-то тут при чём?

Это ваши стихи? –спросила она дрогнувшим голосом.

Нет, – поспешно ответил Павел. – Это стихи моего земляка и тёзки, Павла Васильева. Талантливый был человечище! Жалко, погиб в двадцать семь. Расстрелян как «враг народа». А сколько бы ещё мог написать! Если бы он тогда не уехал отсюда…

Родительница степь, прими мою,

Окрашенную сердца жаркой кровью,

Степную песнь! Склонившись к изголовью

Всех трав твоих, одну тебя пою!

Нет, так может продолжаться ещё долго. Я встал, давая понять, что мы не можем больше злоупотреблять гостеприимством – пора ехать. Но Павел удивлённо спросил:

Как? Разве вы не останетесь? Сейчас уже очень поздно, ночь на дворе.

Теперь уже удивился я.

Как –ночь?!

Я выскочил из юрты, и звёздное небо тут же обрушилось на меня – закружилось и рассыпалось алмазными брызгами. От выпитого кумыса зашумело в голове. С непривычки, наверное. Ноги стали ватными. Сколько же сейчас времени?

Нащупываю в кармане телефон. С третьей попытки снимаю его с блокировки. Второй час ночи. За мной вышла Асель. Поёжилась от ночной прохлады.

Как это возможно? –спрашиваю у неё. – Мы же просидели от силы часа три!

Асель смущённо пожимает плечами и, зевая, прикрывает рот:

Не знаю. Мне тоже так показалось. Но с интересными людьми время летит незаметно.

На улицу вышел и Павел.

Даже не думайте ехать в таком состоянии, – сказал он. – В горах недавно прошёл сель, дорогу до конца не расчистили. Ночью туда соваться опасно. Оставайтесь. Вы нас ничуть не стесните. Наши друзья приедут только завтра к вечеру, так что топчаны – в вашем распоряжении. Я обычно сплю на улице, под открытым небом. Да и Руслан ваш уже спит, девчата, вон, тоже клюют носом. Оставайтесь. Завтра будем объезжать скакуна. А вы покатаетесь на наших.

Останемся, Ерден, – попросила Асель. – Я ещё ни разу не ездила верхом…

Я промолчал. Вернулся в юрту. Руслан действительно уже спал прямо на полу, обняв подушку. Никто не выказывал большого желания уезжать.

Хорошо, –сказал я. – Оставайтесь. Девчата – на топчаны, Макс –туда же, к Руслану. А я переночую в машине. Пусть кровать Павла останется ему.

Сажусь в машину и завожу двигатель. После относительного тепла юрты здесь прохладно. Откидываюсь на спинку кресла, расслабленно. Смотрю в сторону юрты. Свет гаснет. Всё вокруг погружается в тишину.

Тишина охватывает и мою машину. Давит. Тяжёлая, степная. Включаю музыку.

Смеюсь.

Ты говоришь, что я не умею шутить.

Это правда.

Ты пахнешь, как мечта.

Скажи мне: «Ты моя».

Пальцы на моих губах.

Небо сквозь твои глаза.

Обожаю повторять тебе это снова и снова.

Я хочу начать с нуля, детка.

Снова и снова… всё снова…

На самом деле я жду Асель. Надеюсь, она догадается, что я ушёл только потому, что хочу побыть с ней наедине. Не свожу глаз с дверей юрты. Жду

долго. Вглядываюсь до боли в глазах, до рези, пока двери не начинают раздваиваться и плыть. Незаметно для себя проваливаюсь в сон.

И в этом сне, через зелёную степь, на белом скакуне едет Скриптонит. Он театрально вытягивает вперёд руку и начинает декламировать стихи Абая:

Молодым до науки дойти я не мог,

Я не стал изучать, впрок она иль не впрок.

А когда стал искать, ускользала из рук.

Было поздно, увы, упустил я свой срок.

Просыпаюсь оттого, что становится слишком жарко, к тому же природа настойчиво требует выйти. Глушу двигатель. Выбираюсь на свежий воздух, продираю глаза. Пытаюсь рассмотреть юрту, где спят мои друзья, и не сразу понимаю, в чём дело.

Юрты на месте нет.

Делаю несколько растерянных шагов, и остатки сна смывает, как холодной водой. Бегу туда, где она, по моим прикидкам, должна быть, и не нахожу даже следа. Но она же была здесь! Или чуть дальше? Нет… кажется, немного правее. Не возле этого ли валуна пасся стреноженный конь?

Кручу головой из стороны в сторону. Никого.

Неужели… Максут?! Опять его дурацкие шуточки? Но как он умудрился втянуть в это стариков? Ох, и получит он у меня!

Возвращаюсь к машине.

Но… где же она?

Только что же стояла вот здесь. Или я пришёл не туда? Нет, не настолько же я беспомощен! Тут , вот, даже следы на примятой траве остались. Я не схожу с ума!

Бегу к дороге. Хотя бы дорога на месте? Нахожу место, где мы вчера свернули. Возвращаюсь по следам. Всё верно –место то же. Но ни машины, ни юрты.

Угнали!

Мысль бьёт в голову тупым, жгучим ударом. Что я скажу отцу?! Да что вообще происходит?! Глупые розыгрыши Максута? Или… это были мошенники? Сидели в юрте, подсыпали что-то в питьё – и обобрали нас до нитки?

Но как им удалось всё свернуть так быстро? И… что стало с моими друзьями?

Это я во всём виноват!

Максут! –кричу я. – Асель, где вы?!

В ответ –только та же сводящая с ума, звенящая тишина.

Кажется, я понял. Единственное место поблизости, где можно затаиться, – это балка с ключом, куда Павел вчера водил лошадей. Мрачный контур деревьев выплывает из темноты. Там они. Им просто некуда больше деться!

Руслан! Максут! Это уже не смешно! Где вы?!

Кажется, между деревьями что-то шевельнулось. Или это ветер? Вглядываюсь, щурюсь… и слишком поздно замечаю шум крыльев позади.

Ещё до того, как потерять сознание от удара твёрдыми лапами, краем глаза успеваю увидеть, как надо мной мелькает чёрная, стремительная тень – беркут.

***

Так не хочется просыпаться! До чего же мягки перины у бабушки в доме… Сквозь сон слышу её песню –протяжную и заунывную, как само горе:

Қаратаудың басынан көш келеді,

Көшкен сайын бір тайлақ бос келеді…

Нужно вставать. Сегодня мы с мальчишками договорились встретиться пораньше и устроить гонки на великах! Прямо до соседнего села. А если повезёт – там попадётся задиристый Бектас. Тогда и нос ему можно будет набить.

Вскакиваю и, прямо в трусах, выбегаю во двор –и тут же замираю, поражённый.

Идёт снег.

Первые снежинки, несмело и неспешно, опускаются на траву. Апашка сидит на низеньком табурете и взбивает масло. На её голове – белый кемешек, такой же белый, как этот снег. Она не замечает меня. Её рука монотонно двигается над закрытой кубой.

Очень скоро снег покрывает всё вокруг. Исчезает трава, теряется тропинка, пропадает сам двор… и уже не видно даже апа. Только белое поле – и над ним звучит её тягучая, тоскующая песня:

Мына заман, қай заман –қысқан заман,

Бақыт құсы ағаштан ұшқан заман…

Я иду по этому полю –и я уже взрослый. Вокруг по-прежнему пусто. Белая, бесконечная пустота. Снег всё валит, не переставая. Он скоро засыплет всё. Позади тянется цепочка моих следов –но и её вот-вот занесёт. Скоро не останется ничего. Ни дороги. Ни меня.

И вдруг – впереди тёмное пятно. С удивлением узнаю в нём деда.

Он босиком. Его ноги утопают в снегу. Одежда – старая, потёртая. Но именно в этих вещах я его и запомнил.

Ерден, богатырь мой! – Он обнимает меня, и в его глазах проступают слёзы

радости. – Какой ты стал большой! Я и не надеялся увидеть тебя таким взрослым…

Я держу его морщинистые руки –сухие, изработанные, но всё ещё сильные. И в горле, в груди поднимается тот сдерживаемый плач, что сдавливает лёгкие. Я не могу заговорить. Иначе всё прорвётся. А я не хочу плакать, не хочу показаться слабым. Хочу остаться сильным. Таким, каким он учил меня быть в детстве.

Все мои ранние годы прошли рядом с ним. Жаль, что он умер, когда мне было всего тринадцать…

Но как же хорошо, что мне снова довелось его увидеть. Пусть даже так.

Я нахожу в себе силы:

Здравствуй, ата. – Несколько горячих капель сбегают по щекам. – Здравствуй… Помнишь, как ты учил меня слушать звёзды? Я… совсем разучился это делать. Я разучился слышать даже людей. Я забыл вкус родниковой воды, и ветер больше не приносит мне запахов дальних стран. А степь… степь давно уже не доверяет мне своих тайн. Прости, ата. Наверное, я просто стал взрослым.

Дед грустно улыбается. Я смотрю вниз – и вижу: его следов не заносит. Они остаются чёткими, ясными.

А за его спиной, сквозь снежную пелену, начинают проступать силуэты всадников. Сначала неясно, затем всё отчётливее. Светлое воинство Ак Орды выстраивается плотной стеной. От края до края степи тянутся их копья-сунги. Ветер играет их бунчаками. На островерхих шлемах – шашаки. Это батыры, славные и непобедимые.

Им не страшны ни метель, ни стужа, ни зной. В сверкающих серебром доспехах они восседают на скакунах.

А впереди всех, на белом коне, едет сам грозный Абылай.

Ты всё вспомнишь, внук! – говорит ата. – Наступает время всё вспомнить. Не печалься о былом. Смотри вперёд, но никогда не забывай того, что было. Человек без корней как перекати-поле: не знает, куда занесёт его ветер. Он не ведает, что будущее –лишь преломлённое отражение прошлого.

А тот, кто имеет корни, – как могучее дерево Байтерек. Его питают глубины земли, корни крепко держат его над землёй. И чем глубже, прочнее они, тем выше и богаче крона. Тем больше тени и плодов даёт это дерево миру.

Только земля имеет подлинную ценность. Только она остаётся вечной. Она помнит, как рождался и креп наш народ. Как богател язык. Как зарождались обычаи, как из уст в уста передавались предания и легенды.

И она же помнит плач. Горький исход, когда люди покидали родные земли. Помнит голод, утрату языка, забвение самих себя…

Берегите землю. Имейте память.

Лишь тот, кто хранит и чтит мудрость предков, может услышать в шуме ветра и топот степных кобылиц, и крики ястребов, и песню ковыля, и мольбу земли о дожде.

Лучше всех это слышат поэты.

Степь для них – безграничный океан поэзии. Берегите поэтов. Цените их.

***

– Ерден! Ерден! Проснись!

Чьи-то тёплые ладони ложатся на моё лицо. Я размыкаю веки и вижу склонившуюся надо мной Асель.

– Мы так испугались, когда проснулись и не нашли тебя в машине. Дверца была открыта, а тебя нигде не было!

– Что? –изумляюсь я. –Значит… это всё приснилось? Я не мог найти ни машину, ни юрту!

– Нет, – Асель вдруг помрачнела. – Юрты действительно нет. А вот машина стоит.

– Как такое может быть?

Асель пожала плечами:

– Не знаю. Мы все проснулись прямо на земле. Руслан, вообще, спал в обнимку с камнем. Мы до сих пор не поняли, что это было. Где мы провели вечер, где – ночь… Не могло же нам всем привидеться одно и то же! А тут ещё и ты пропал. Мы вообще не знали, что думать. Хорошо, Максут вспомнил, что вы вчера водили лошадей на водопой, и предложил искать тебя здесь.

Я посмотрел на Максута, Руслана и Гульнар. Они стояли рядом, но на их лицах не было даже тени улыбки. Лишь недоумение, граничащее со страхом, и тревога. Нет, это точно не их розыгрыш.

– Ерден, – спросила Гульнар, – как себя чувствуешь? Сможешь вести машину?

Я молча кивнул.

– Тогда поехали отсюда как можно скорее. Мне до сих пор не по себе.

Почти до самого озера мы ехали молча.

– Смотрите! –вдруг воскликнула Гульнар, протягивая нам телефон. – Я решила посмотреть в интернете, кто такой этот Павел Васильев… Посмотрите на фото! Как похож! Волосы, разрез глаз… Как будто это он – только постаревший. Может, родственник?

В ответ Асель протянула свой телефон. Она давно не сводила глаз с экрана. А с него задумчиво смотрел на нас гостеприимный хозяин юрты. Тот самый

старик, что подарил нам волшебный кюй и пробудил сердца. Біржан сал Қожағұлұлы – акын, воин, поэт…

Я всё смотрел на дорогу – и всё думал о прошлом.

Мне было жаль ушедшего мира степных поэтов, но я помнил слова ата. И помнил стяги тех, кто стережёт нас, пусть и незримо. Я понял: для поэтов и героев не существует смерти. И ещё я понял: все, кто ушёл в ночь, остаются с нами, пока мы их помним. Пока есть след. И в наших силах проследить за тем, чтобы снега времени не занесли их окончательно.

От этого осознания на душе стало светло и спокойно.

Жол қарау. Я снова вижу свой путь. И знаю: никто больше не сможет сбить меня с него. За мной – мои предки. Вся великая Ак Орда. Я пройду свой путь так, чтобы и мои следы не стёрла непогода. Мои дети помогут мне в этом.

Дожди, засухи, морозы – всё это временно.

Вечным остаётся только…